

Ю. И.
АЙХЕНВАЛЬД

Избранное

Юлий Айхенвальд
Бенедиктов

«Public Domain»

1910

Айхенвальд Ю. И.

Бенедиктов / Ю. И. Айхенвальд — «Public Domain», 1910 — (Силуэты русских писателей)

ISBN 978-5-457-32363-6

«Бенедиктов, вокруг имени которого давно уже образовалась атмосфера насмешки и пренебрежения, как раз в последнее время встретил себе признание и оценку со стороны поэтов новой школы. Так, Федор Сологуб считает его предшественником одного из выдающихся наших модернистов (есть все основания думать, что автор имеет в виду Бальмонта, с которым Бенедиктова роднит необычайная звучность стиха, фонетическая законченность и какой-то малиновый звон «искрометной» рифмы)...»

ISBN 978-5-457-32363-6

© Айхенвальд Ю. И., 1910
© Public Domain, 1910

Юлий Исаевич Айхенвальд Бенедиктов

Бенедиктов, вокруг имени которого давно уже образовалась атмосфера насмешки и пренебрежения, как раз в последнее время встретил себе признание и оценку со стороны поэтов новой школы. Так, Федор Сологуб считает его предшественником одного из выдающихся наших модернистов (есть все основания думать, что автор имеет в виду Бальмонта, с которым Бенедиктова роднит необычайная звучность стиха, фонетическая законченность и какой-то малиновый звон «искрометной» рифмы). И когда мы читаем самого Сологуба, невольно припоминается, что у Бенедиктова уже есть такие стихи:

...Луна здесь греет,
.....
Нежит грудь, и чары деет
Блеском сладостным она, —

что у него уже есть характерный сологубовский эпитет злой:

Злая ночь золотого юга!
Блещешь лютой ты красой, —

мысль о природе, олицетворяемой во зле.

Итак, поэт, осмеянный Белинским, ославленный как ритор и любитель звуковой мишуры, берется теперь под защиту тонкими знатоками и виртуозами слова, и в их глазах у него есть уже та заслуга, что он защищал и создавал такой стих, который был «прорифмованный насквозь».

В чью бы пользу ни решить эту тяжбу за старого поэта, несомненным остается одно — Бенедиктов совершенно забыт нынешними читателями, и забыт не только внешним образом и случайно, как многие писатели, на самом деле заслуживающие памяти и чтения, — но и внутренней, потенциальной жизни не имеют его стихотворения, и они не могут встретить к себе участия у современных людей. Объясняется это тем, что они целиком внешни, что они — именно стихотворения, не больше. Они сделаны, может быть, иногда и сотворены, в порыве искреннего, не холодного восторга; но, во всяком случае, в них форма как бы отделилась от содержания и настроения, форма вышла наружу, и говорит о себе, и блещит, и переливается на просторе звуковыми волнами. Плоть слова оказалась у Бенедиктова независимой от его духа. Стихотворения его — это вещи, очень красивые, нарядные, хотя часто и банальные, вещи. Но, сами бездушные, они и не трогают чужой души. Вы остаетесь к ним безразличны, и вам чуждается, что Бенедиктова тоже нет в его собственных произведениях, — его нет дома.

В этом отношении очень показательное его воззвание к поэту:

Пиши, поэт! слагай для милой девы
Симфонии любовные свои!
Переливай в гремучие напевы
Палящий жар страдальческой любви.
Чтоб выразить таинственные муки,
Чтоб сердца огонь в словах твоих изник,
Изобретай неслыханные звуки,
Выдумывай неведомый язык.

«Гремучие напевы» это было самое излюбленное для Бенедиктова; именно гремучесть, словесный шум наиболее отличают его творчество. Образы его часто не выдержаны, и для читателя ясно, что сам поэт их не видел, не созерцал, – не мог, например, видеть «в смех завернутой слезы»; вообще, зрение его значительно уступает его слуху. Он увлечен звуками, но не красками, и уж совсем бледен и неверен у него рисунок. И звучный, самый звучный из наших стихотворцев, родственный и в других отношениях Гюго, которого он усердно переводил, Бенедиктов, Гюго ухудшенный, остался верен своему же завету:

Изобретай неслыханные звуки,
Выдумывай неведомый язык.

Выразительны и гармоничны все эти стихи – но говорит ли за поэтичность, свидетельствует ли о стихийности самое требование изобретения и выдумки? Когда в сердце горит настоящий огонь, то он сам собою «изникнет» в словах, не изобретенных и не выдуманных. Бенедиктов же, действительно, поэт-изобретатель, поэт-механик, выдумщик; ему принадлежит много неологизмов, но из них очень немногие получили себе право гражданства в русском языке. У него – изысканность, деланность, хотя бы и красивая, определений и характеристик; так, корабль для него – «белопарусный алтарь» или «белопарусный вольноборец», колесница небес – «безотъездная»; «женщина – души моей поэма».

Правда, все или почти все неологизмы Бенедиктова, этого, как он сам себя называл, «ремесленника во славу красоты», показывают, что у него было живое чувство языка. Слово дается ему легко, он не ищет его далеко, и хотя выбор слов у него часто неблагородный, но Бенедиктов имеет ту косвенную заслугу, что его стихотворения с их неожиданно открывающейся россыпью слов лишней раз показывают, как богат и в своей действительности, и в своих возможностях наш русский язык. Поэт искренне любит его и считает грехом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.